

ДОРОГИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Я, РАЗУМЕЕТСЯ, хорошо помню, но уже и сам удивляюсь, что всего несколько лет назад, 5 августа 1988 года, невероятной, неправдоподобной смелостью, даже дерзостью показалось нам опубликование в «Книжном обозрении» статьи Елены Чуковской «Вернуть Солженицыну гражданство СССР».

Это было одно из тех событий, которые заставляли поверить в перестройку, в серьезность перемен. И когда «КО» напечатало несколько полос откликов в поддержку выступления Елены Чуковской, то это уже было явно выраженным голосом общественного мнения.

Между прочим, у меня сохранилась служебная записка начала 1963 года, в которой я, будучи редактором отдела критики журнала «Юность», обращаюсь к главному его редактору Борису Полевому с предложением выступить со статьей, посвященной «Одному дню Ивана Денисовича» — повести (рассказу), опубликованной в одиннадцатом номере «Нового мира» за 1962 год. Но «Юность», хотя и близка была «Новому миру» в своих либеральных устремлениях (правда, не во всех), не решилась заявить о поддержке Александра Солженицына и его «Ивана Денисовича».

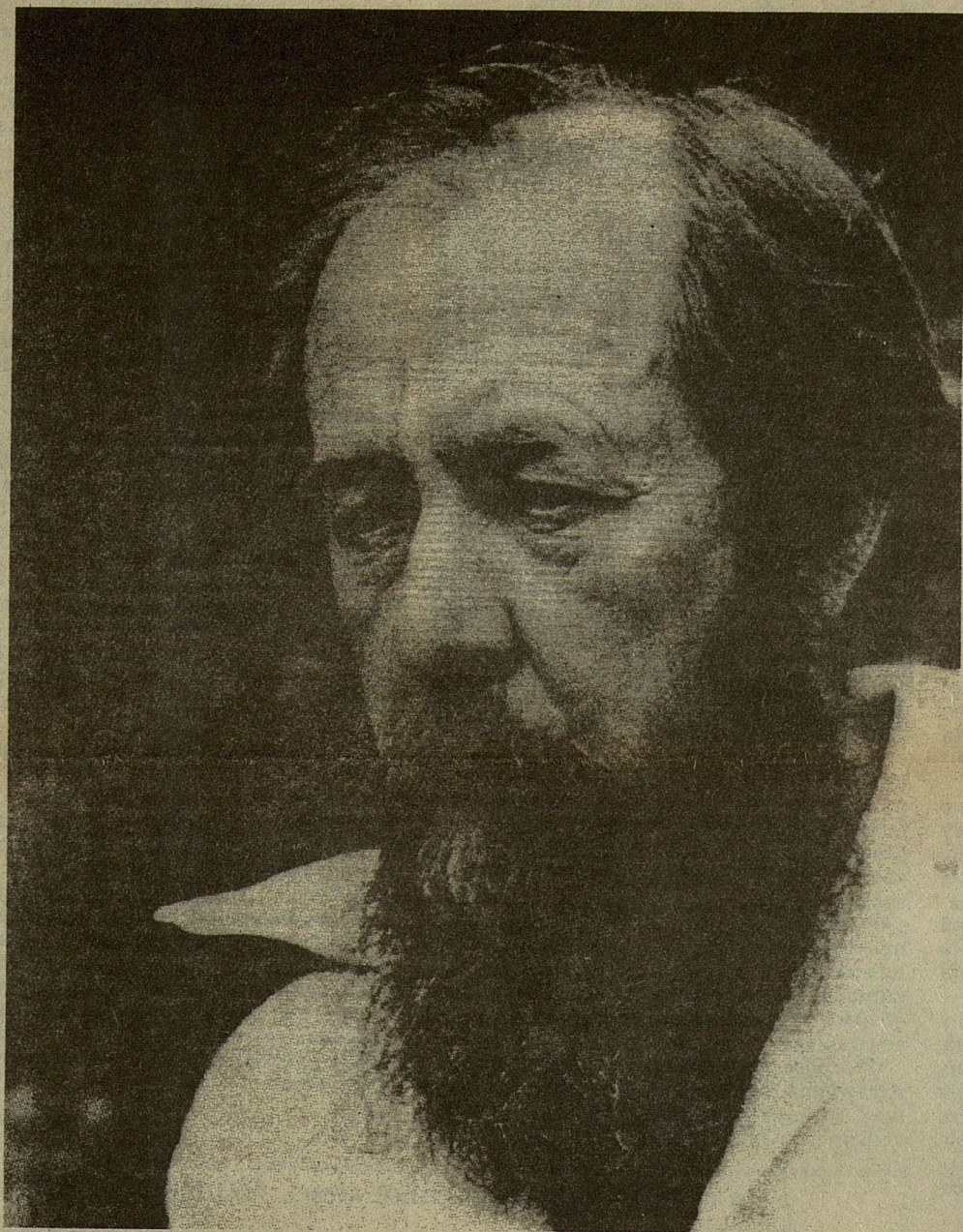
Ведь и «Новый мир», и Александр Твардовский, которым мы так обязаны своим духовным просвещением и освобождением, не могли тогда до конца идти по тому пути, который избрал Александр Солженицын. Немногие, слишком немногие разделили с ним этот путь... Да и мы, «образованщина», кого он звал не на подвиг, не на жертву, а хотя бы «жить не по лжи», не нашли в себе сил сохранить верность голосу собственной совести...

И горестные уроки скандальной баталии против Бориса Пастернака и его «Доктора Живаго» в 1958—1960 годы, и печально знаменитый опыт преследования Андрея Синявского и Юлия Даниэля в 1965—1966 годы, и другие, иногда менее известные, но не менее гнусные эпизоды гонений на «инакомыслящих», и прочее, и прочее... Нет все это, увы, не помешало, скорее — помогло в 60—70-е годы воздвигнуться горам лжи и злобы против Александра Солженицына... «Шагай по морю клеветы, пружинь шаги своей пяты».

Я понимаю, что сегодня авторы заказных писаний вроде «Солженицын антисоветчик» (появлялось и такое) предпочли бы предать их забвению. И я напоминаю вовсе не для того, чтобы кого-то обидеть, разбередить старые раны. Однако по-человечески жаль, что ныне здравствующие литераторы, травившие Солженицына, миновали этап покаяния, очищения. Это, как мне кажется, до сих пор мешает нравственному выздоровлению общества.

В НЕОБЫЧАЙНО живой и поучительной книге Александра Солженицына «Бодался теленок с дубом» (нам всем надо ее читать и перечитывать) изложена только часть драматической эпопеи, которой стала судьба писателя, судьба его слова на труднейшем пути к читателю, к стране. Отвечая на клеветническую кампанию, вызванную появлением за границей «Архипелага ГУЛАГ», Александр Солженицын свое заявление от 2 февраля 1974 года завершал словами: «Я никогда не сомневался, что правда вернется к моему народу. Я верю в наше раскаяние, в наше духовное очищение, в национальное возрождение России».

Конечно, сейчас, когда все это позади, — и тупые преследования Солженицына и его книг, и бандитская высылка писателя за кордон в феврале 1974 года, —

сейчас, когда Александр Исаевич с нами, на Родине, можно, казалось бы, только радоваться, что вера его оправдалась, предвидения сбылись. И все-таки слишком много горечи позади...

Слишком много упущенных возможностей, слишком много опозданий... Все это, пожалуй, уже непоправимо. Ведь если бы, начиная с хрущевской оттепели, когда к нам пришел «Один день Ивана Денисовича», появились бы «В круге первом» и «Раковый корпус» (а эта вещь уже чуть ли не была принята к печати «Новым миром»), если бы были услышаны страстные воззвания писателя к общественности и власти, если бы — самое главное — страна прочтала «Архипелаг ГУЛАГ» два десятилетия назад — а тогда эта книга была бы прочитана более горячо и большим количеством людей, — то наша история сложилась бы иначе, не было бы такого чудовищного ее замедления, опоздания... Я говорю это с уверенностью, хотя считается, что история не признает «если бы».

ПОРАЗИТЕЛЬНА огромная действенная сила, сосредоточенная в книгах Александра Солженицына, в самом этом человеке. Тоталитаризм был интеллектуально и морально сокрушен, прежде всего, именно солженицынской силой. Но писатель явил нам и свою строительную, созидательную мощь. Ни на один день не прерывался его литературный труд, возведение громадного художественно-исто-

рического здания, путь «к познанию России» в томах «Красного колеса» и других повествований, раскрывающих трагедию и подвиг России в двадцатом веке.

Разрушительной гулаговской силе писатель противопоставил редкостную, непреодолимую волю к жизни, к строительству дома, семьи, страны, к «обустройству» и своего собственного бытия, и народного. Мы узнали и увидели Александра Исаевича Солженицына как организатора — над пропастью — своего труда и быта, если позволительно сказать об этом, ибо и тут торжествовала воля к жизни. Наконец, перед нами предстал отец семейства, патриарх, муж доблестный, отважный и нежный, воспитатель и собиратель, в каком-то высшем смысле «государь». И так же, как к своей семье, писатель отнесся к стране, в которую возвращался, пожелав увидеть ее в лицо — «остановиться, оглянуться», — воистину поздороваться, пообщаться с народом.

Я хочу сказать, что возвращение Александра Исаевича Солженицына в Россию — это поступок и естественный, и великий. Действительно, что может быть естественнее возвращения на Родину, в дом отчий? Особенно после насильственного, вынужденного изгнания... Но могли ли, за редкими исключениями, вернуться русские эмигранты в советскую, коммунистическую Россию? Что бы их здесь ждало? Впрочем, мы знаем это по целому ряду трагических примеров...

ДА, РОССИЯ, казалось бы, покончила с тоталитарным строем. Но что-то мы не видим, чтобы знаменитые русские диссиденты, живущие на Западе, всерьез торопились обосноваться в России... И мы не виним их за это. В России сегодня жить и нелегко, и небезопасно (не только богатым, кстати). А вы знаете, что мне сегодня сказала одна старая, одинокая, но удивительно жизнелюбивая и своеобразная женщина?.. Она сказала буквально следующее: «После возвращения Солженицына мне спокойнее — под его крылом». Честное слово, стоило возвращаться, чтобы услышать одно такое признание!

Я думаю, что возвращение Солженицына — это возвращение веры в Россию, возвращение правды на Родину. И просто по-человечески хорошо... А вернулся писатель уже в другую страну, не в ту, из которой его высылали. Происшедшее — результат и солженицынской социальной энергии. Вот почему еще писатель не хочет снимать с себя ответственности за свершившийся переворот и его последствия, не хочет переживать там, сочувствовать из вермонтского далека... И мы все ощутили вдруг, что Солженицын делит с нами каждый прожитый день... В глубочайшем же смысле о России поэт когда-то сказал: «А ты все та же...» Вот в эту неизменность, из которой душевно он никогда не выходил, Солженицын и вернулся.

Вернулся путешествием через всю Россию... Мы знаем путешествия Пушкина, Гоголя, Чехова... Путешествие Жуковского с наследником: «Нужно проехать по России», — сказал Гоголь. Мы знаем путешествие Радищева, потом его ссылку и путь домой... Дороги Достоевского... Дороги Чернышевского... Дороги декабристов в Сибирь... Возвращение тех из них, кто выжил, в родные края... Дорога Льва Толстого в Севастополь... Путешествия Лескова... Пути-дороги Короленко, Горького... Фронтовые дороги мировых войн... А в наше время — безвозвратные пути Ключева, Мандельштама, Флоренского, Вавилова да и миллионов других гулаговских узников, среди которых был и Солженицын, сохраненный высшей волей, чтобы поведать за всех... Русский человек, русский писатель — странник...

И путь Твардовского — «За далью — даль», путь, на котором была встреча с другом, освобожденным из сталинских лагерей. Встреча, с которой началось, вернее, ускорилось прозрение поэта... Прозрению полному суждено было осуществиться в явлении Солженицына. Удивительно ли, что он избрал — как бы наперекор гулаговскому маршруту — путь с Востока на Запад? Через края, которым редко-редко достается дежурное внимание высоких персон, проехал медленно — с любовью, тревогой и верой — великий писатель России.

Я БЫЛ на Ярославском вокзале, когда разнородная толпа, теснимая омовниками, под дождем встречала Солженицына. Дисциплинированные и сплоченные коммунисты, увидев Александра Исаевича, стали скандировать: «Позор! Позор!» Подняли плакаты о развале Советского Союза... Тогда остальные — не столь дружно — закричали: «Ура! Ура!» Впрочем, все это было не так важно... Уже звучала речь Солженицына: Россия в беде, и он снова вместе с Россией, как и прежде. Здравствуйте, Александр Исаевич! Мы вас ждали.